

ДНЕВНИКЪ
ПИСАТЕЛЯ

ЗА

1876 Г.

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Штауба (И. Филоня), Кузнечный переулокъ, № 20.
1879.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЯНВАРЬ.

	СТРАНИЦЫ.
Глава первая. I. Въѣсто предисловія о Большой и Малой Медвѣдицахъ, о молитвѣ великаго Гете и вообще о дурныхъ привычкахъ. II. Будущій романъ. Опять «Случайное Семейство». III. Елка въ клубѣ художниковъ. Дѣти мысляція и дѣти облегчаемыя. «Обжорливая младость». Вуйки. Толпеающіеся подростки. Поторопившійся московскій капитанъ. IV. Золотой вѣкъ въ карманѣ	1—8
Глава вторая. I. Мальчикъ съ ручкой. II. Мальчикъ у Христа на елѣ. III. Колонія малолѣтнихъ преступниковъ. Мрачныя особи людей. Передѣлка порочныхъ душъ въ непорочныя. Средства къ тому признанныя наилучшими. Маленькіе и дерзкіе друзья человѣчества	8—20
Глава третья. I. Россійское общество покровительства животнымъ. Фельд-егерь. Зелено-вино. Зудъ разврата и Воробьевъ. Съ конца или съ начала? II. Спиритизмъ. Нѣчто о чертахъ. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти. III. Одно слово по поводу моей біографіи	20—32

ФЕВРАЛЬ.

Глава первая. I. О томъ, что всѣ мы хорошіе люди. Сходство русскаго общества съ маршаломъ Макъ-Магономъ. II. О любви къ народу. Необходимый контрактъ съ народомъ. III. Мужикъ Марей	32—43
Глава вторая. I. По поводу дѣла Кронеберга. II. Нѣчто объ адвокатахъ вообще. Мои наивныя и необразованныя предположенія. Нѣчто о талантахъ вообще и въ особенности. III. Рѣчь г. Спасовича. Ловкіе приемы. IV. Ягодки. V. Геркулесовы столпы	43—64

МАРТЪ.

Глава первая. I. Вѣрна-ли мысль, что «пусть лучше идеалы будутъ дурны, да дѣйствительность хороша»? II. Столѣтняя. III. «Обособленіе». IV. Мечты о Европѣ. V. Сила мертвая и силы грядущія	64—81
Глава вторая. I. Донъ-Карлосъ и сэръ Уаткинъ. Опять признаки «начала конца». II. Лордъ Редстоукъ. III. Слово объ отчетѣ ученой комиссіи о спиритическихъ явленіяхъ. IV. Единичныя явленія. V. О Юріѣ Самаринѣ	81—92

АПРѢЛЬ.

СТРАНИЦЫ.

Глава первая. I. Идеалисты растительной стоячей жизни. Кулаки и мироты. Высше господя подгоняющіе Россію. II. Культурные типичи. Повредившіеся люди. III. Сбывчивость и неточность спорныхъ пунктовъ. IV. Благодѣтельный швейцаръ освобождающій русскаго мужика. 92—108

Глава вторая. I. Нѣчто о политическихъ вопросахъ. II. Парадоксалисть. III. Опять только одно слово о спиритизмѣ. IV. За умершаго. 108—124

М А Й.

Глава первая. I. Изъ частнаго письма. II. Областное новое слово. III. Судъ и г-жа Капрова. IV. Г-нъ защитникъ и Капрова. V. Г-нъ защитникъ и Великанова 125—140

Глава вторая. I. Нѣчто объ одномъ зданіи. Соотвѣтственные мысли. II. Одна несоотвѣтственная идея. III. Несомнѣнный демократизмъ. Женщины. 140—148

І Ю Н Ъ.

Глава первая. I. Смерть Жоржъ-Занда. Нѣсколько словъ о Жоржъ-Зандѣ. 149—156

Глава вторая. I. Мой парадоксъ. II. Выводъ изъ парадокса. III. Восточный вопросъ. IV. Утопическое пониманіе исторіи. V. Опять о женщинахъ 156—172

І Ю Л Ъ — А В Г У С Т Ъ.

Глава первая. I. Выѣздъ за границу. Нѣчто о русскихъ въ вагонахъ. II. О воинственности нѣмцевъ. III. Самое послѣднее слово цивилизаціи 173—181

Глава вторая. I. Идеалисты-циники. II. Постыдно-ли быть идеалистомъ? Нѣмцы и трудъ. Непостижимые фокусы. Объ остроуміи 181—194

Глава третья. I. Русскій или французскій языкъ? II. На какомъ языкѣ говорить будущему столпу своей родины? 194—201

Глава четвертая. I. Что на водахъ помогаетъ: воды или хорошій тонъ? II. Одинъ изъ облагодѣтельствованныхъ современной женщиной. III. Дѣтскіе секреты. IV. Земля и дѣти. V. Оригинальное для Россіи гѣто. 201—215

Post-Scriptum. 215—219

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

Глава первая. I. Piccola bestia. II. Слова, слова, слова! III. Комбинаціи и комбинаціи. IV. Халаты и мыло 221—233

Глава вторая. I. Застарѣлые люди. II. Кыфо-Мокіевщина. II. Продолженіе предыдущаго. IV. Страхи и опасенія. V. Post-Scriptum 234—247

О К Т Я Б Р Ъ.

Глава первая. I. Простое, но мудреное дѣло. II. Нѣсколько замѣтокъ о простотѣ и упрощенности. III. Два самоубійства. IV. Приговоръ 250—261

Глава вторая. I. Новый фазисъ Восточнаго вопроса. II. Черняевъ. III. Лучшіе люди. IV. О томъ-же 262—275

Н О Я Б Р Ъ .

СТРАНИЦЫ.

Глава первая. КРОТКАЯ. Фантастическій разсказъ. Отъ автора. I. Кто была я и кто была она. II. Врачьее предложеніе. III. Благороднѣйшій изъ людей, но самъ-же и не вѣрю. IV. Все планы и планы. V. Кроткая бунтуетъ. VI. Страшное воспоминаніе 278—294

Глава вторая. I. Сонъ гордости. II. Елена вдругъ упала. III. Слишкомъ понимаю. IV. Всего только пять минутъ опоздалъ! 294—306

Д Е Н А Б Р Ъ .

Глава первая. I. Опять о простомъ но мудреномъ дѣлѣ. II. Законодавщее правоученіе. III. Голословныя утвержденія. IV. Кое что о молодежи. V. О самоубійствѣ и о выскомѣріи 310—326

Глава вторая. I. Анекдотъ изъ дѣтской жизни. II. Разъясненіе объ участіи моемъ въ изданіи будущаго журнала «Свѣтъ». III. На каковой теперь точкѣ дѣло. IV. Словечко объ «ободнявшемъ Петрѣ» 326—335

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

1876.

Я Н В А Р Ъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Вмѣсто предисловія о Большой и Малой Медвѣдихахъ, о Молитвѣ великаго Гёте и вообще о дурныхъ привычкахъ.

... Хлестаковъ, по крайней мѣрѣ, вралъ — вралъ у городничаго, но все же капельку боялся, что вотъ его возьмутъ, да и вытолкаютъ изъ гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врутъ съ полнымъ спокойствіемъ.

Нынче всѣ съ полнымъ спокойствіемъ. Спокойны и, можетъ быть, даже счастливы. Врядъ ли кто даетъ себѣ отчетъ, всякій дѣйствуетъ „просто“, а это уже полное счастье. Нынче, какъ и прежде, всѣ проѣдены самолюбіемъ, но прежнее самолюбіе входило робко, оглядывалось лихорадочно, вглядывалось въ фізіономію. „Такъ-ли я вошелъ? Такъ-ли я сказалъ?“ Нынче

же всякій и прежде всего увѣренъ, входя куда нибудь, что все принадлежитъ ему одному. Если же не ему, то онъ даже и не сердится, а мигомъ рѣшаетъ дѣло; не слыхали-ли вы про такія записочки:

„Милый папаша, мнѣ двадцать три года, а я еще ничего не сдѣлалъ; убѣжденный, что изъ меня ничего не выйдетъ, я рѣшился покончить съ жизнью“...

И застрѣливается. Но тутъ хоть что нибудь да понятно: „для чего-де и жить какъ не для гордости?“ А другой посмотритъ, походитъ и застрѣлится молча, единственно изъ-за того, что у него нѣтъ денегъ, чтобы нанять лубовницу. Это уже полное свинство.

Увѣряютъ печатно, что это у нихъ отъ того, что они много думаютъ. „Думаетъ — думаетъ про себя, да вдругъ гдѣ нибудь и вынырнетъ, и именно тамъ, гдѣ намѣтилъ“. Я убѣжденъ, напротивъ, что онъ вовсе ничего не ду-

маеть, что онъ рѣшительно не въ силахъ составить понятіе, до дикости неразвить, и если чего захочетъ, то утробно, а не сознательно; просто полное свинство и вовсе тутъ нѣтъ ничего либеральнаго.

И при этомъ ни одного Гамлетовскаго вопроса:

„Но страхъ что будетъ тамъ..“

И въ этомъ ужасно много страннаго. Неужели это безмысліе въ русской природѣ? Я говорю безмысліе, а не безсмысліе. Ну, не вѣрь, но хоть помисли. Въ нашемъ самоубійцѣ даже и тѣни подозрѣнія не бываетъ о томъ, что онъ называется я и есть существо безсмертное. Онъ даже какъ будто никогда не слыхалъ о томъ ровно ничего. И однако онъ вовсе и не атеистъ. Вспомните прежнихъ атеистовъ: утративъ вѣру въ одно, они тотчасъ же начинали страшно вѣровать въ другое. Вспомните страстную вѣру Дидро, Вольтера... У нашихъ — полное *tabula rasa*, да и какой тутъ Вольтеръ: просто нѣтъ денегъ, чтобы нанять любовницу, и больше ничего.

Самоубійца Вертеръ, кончая съ жизнью, въ послѣднихъ строкахъ имъ оставленныхъ, жалѣетъ, что не увидитъ болѣе „прекраснаго созвѣздія Большой Медвѣдицы“ и прощается съ нимъ. О, какъ казался въ этой черточкѣ только что начинавшійся тогда Гёте! Чѣмъ же такъ дороги были молодому Вертеру эти созвѣздія? Тѣмъ, что онъ сознавалъ, каждый разъ созерцая ихъ, что онъ вовсе не атомъ и не ничто передъ ними, что вся эта бездна таинственныхъ чудесъ Вожиныхъ вовсе не выше его мысли, не выше его сознанія, не выше идеала красоты заключеннаго въ душѣ его, а, стало быть, равна ему и роднитъ его съ безко-

нечностью бытія... и что за все счастье чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто онъ? — онъ обязанъ лишь *своему лику человеческому*.

„Великій Духъ, благодарю тебя за ликъ человѣческій, Тобою данный мнѣ“.

Вотъ какова должна была быть молитва великаго Гёте во всю жизнь его. У насъ разбиваютъ этотъ данный человѣку ликъ совершенно просто и безъ всякихъ этихъ нѣмецкихъ фокусовъ, а съ Медвѣдями. не только съ Большой, да и съ Малой-то никто не вздумаетъ цопрошаться, а и вздумаетъ, такъ не станеть: очень ужъ это ему стыдно будетъ.

— О чемъ это вы заговорили? спроситъ меня удивленный читатель.

— Я хотѣлъ было написать предисловіе, потому что нельзя же совсѣмъ безъ предисловія.

— Въ такомъ случаѣ лучше объясните ваше направленіе, ваши убѣжденія, объясните: что вы за человѣкъ и какъ осмѣлились объявить „Дневникъ Писателя?“

Но это очень трудно и я вижу, что я не мастеръ писать предисловія. Предисловіе, можетъ быть, также трудно написать, какъ и письмо. Что же до либерализма (вмѣсто слова „направленіе“ я уже прямо буду употреблять слово: „либерализмъ“), что до либерализма, то всѣмъ извѣстный Незнакомецъ, въ одно изъ недавнихъ фельетоновъ своихъ, говоря о томъ, какъ встрѣтила пресса наша новый 1876 годъ, упоминаетъ, между прочимъ, не безъ ѣдкости, что все обошлось достаточно либерально. Я радъ, что онъ проявилъ тутъ ѣдкость. Дѣйствительно, либерализмъ нашъ обратился въ послѣднее время повсемѣстно — или въ ремесло или въ дурную привычку. То есть, сама по себѣ это была бы вовсе

недурная привычка, но у насъ все это какъ-то такъ устроилось. И даже странно: либерализмъ нашъ, казалось бы, принадлежитъ къ разряду успокоенныхъ либерализмовъ; успокоенныхъ и успокоившихся, что по моему очень ужъ скверно, ибо квіетизмъ всего бы меньше, кажется, могъ ладить съ либерализмомъ. И что же, не смотря на такой покой, повсемѣстно являются несомнѣнные признаки, что въ обществѣ нашемъ, мало по малу, совершенно исчезаетъ пониманіе о томъ: что либерально, а что вовсе нѣтъ, и въ этомъ смыслѣ начинаютъ сильно сбиваться; есть примѣры даже чрезвычайныхъ случаевъ сбивчивости. Короче, либералы наши, вмѣсто того, чтобъ стать свободнѣе, связали себя либерализмомъ какъ веревками, а потому и я, пользуясь симъ любопытнымъ случаемъ, о подробностяхъ либерализма моего умолчу. Но вообще скажу, что считаю себя всѣхъ либеральнѣе, хотя бы по тому одному, что совѣмъ не желаю успокоиваться. Ну вотъ и довольно объ этомъ. Что же касается до того, какой я человѣкъ, то я бы такъ о себѣ выразился: "Je suis un homme heureux qui n'a pas l'air content", то-есть, по-русски: „Я человѣкъ счастливый, но—кое чѣмъ недовольный“...

На этомъ и кончаю предисловіе. Да и написалъ-то его лишь для формы.

II.

Будущій романъ. Опять „Случайное семейство“.

Въ клубѣ художниковъ была елка и дѣтскій балъ и я отправился посмотреть на дѣтей. Я и прежде всегда

смотрѣлъ на дѣтей, но теперь при-сматриваюсь особенно. Я давно уже поставилъ себѣ идеаломъ написать романъ о русскихъ теперешнихъ дѣтяхъ, ну и конечно о теперешнихъ ихъ отцахъ, въ теперешнемъ взаимномъ ихъ соотношеніи. Поэма готова и созда-лась прежде всего, какъ и всегда должно быть у романиста. Я возьму отцовъ и дѣтей по возможности изъ всѣхъ слоевъ общества и прослѣжу за дѣтьми съ ихъ самаго перваго дѣтства.

Когда полтора года назадъ, Николай Алексѣевичъ Некрасовъ приглашалъ меня написать романъ для „Отечественныхъ Записокъ“, я чуть было не началъ тогда моихъ „Отцовъ и дѣтей“, но удержался и слава Богу: я былъ не готовъ. А пока я написалъ лишь „Подростка“,—эту первую пробу моей мысли. Но тутъ дитя уже вышло изъ дѣтства и появилось лишь неготовымъ человѣкомъ, робко и дерзко желающимъ поскорѣе ступить свой первый шагъ въ жизни. Я взялъ душу безгрѣшную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и „случайность“ свою и тою широкостью, съ которою еще цѣломудренная душа уже допускаетъ сознательно пороки въ свои мысли, уже лепчетъ его въ сердцѣ своемъ, любитъ его еще въ стыдливыхъ, но уже дерзкихъ и бурныхъ мечтахъ своихъ — все это, оставленное единственно на свои силы и на свое разуміе, да еще, правда, на Бога. Все это выкидыши общества, „случайные“ члены „случайныхъ“ семей.

Въ газетахъ всѣ недавно прочли объ убійствѣ мѣщанки Перовой и объ самоубійствѣ ея убійцы. Она съ нимъ жила, онъ былъ работникомъ въ типографіи, но потерялъ мѣсто, она же

снимала квартиру и пускала жильцовъ. Началось несогласіе. Перова просила его ее оставить. Характеръ убійцы былъ изъ новѣйшихъ: „не мнѣ, такъ никому“. Онъ далъ ей слово, что „оставить ее“, и варварски зарѣзалъ ее ночью, обдуманно и преднамѣренно, а затѣмъ зарѣзался самъ. Перова оставила двухъ дѣтей, мальчиковъ, 12 и 9 лѣтъ, прижитыхъ ею незаконно, но не отъ убійцы, а еще прежде знакомства съ нимъ. Она ихъ любила. Оба они были свидѣтелями какъ съ вечера онъ, въ страшной сценѣ, измучилъ ихъ мать попреками и довелъ до обморока и просили ее не ходить къ нему въ комнату, но она пошла.

Газета „Голосъ“ взываетъ къ публикѣ о помощи „несчастнымъ сиротамъ“, изъ коихъ одинъ, старшій, воспитывался въ 5-й гимназіи, а другой пока жилъ дома. Вотъ опять „случайное семейство“, опять дѣти съ мрачнымъ впечатлѣніемъ въ юной душѣ. Мрачная картина останется въ ихъ душахъ на вѣки и можетъ болѣзненно надорвать юную гордость еще съ тѣхъ дней

...когда намъ новы
Всѣ впечатлѣнья бытія

а изъ того не по силамъ задачи, раннее страданіе самолюбія, краска ложнаго стыда за прошлое и глухая, замкнувшаяся въ себѣ ненависть къ людямъ, и это, можетъ быть, во весь вѣкъ. Да благословить Господь будущее этихъ неповинныхъ дѣтей и пусть не перестаютъ они любить во всю жизнь свою ихъ бѣдную мать, безъ упрека и безъ стыда за любовь свою. А помочь имъ надо непремѣнно. На этотъ счетъ общество наше отзывчиво и благородно. Неужели имъ оставить гимназію, если ужъ они начали съ гимназіи? Стар-

шій, говорятъ, не оставить и его судьба будто ужъ устроена, а младшій? Неужто соберутъ рублей семьдесятъ или сто, а тамъ и забудутъ про нихъ? Спасибо и „Голосу“, что напоминаетъ намъ о несчастныхъ.

III.

Елма въ клубъ художниковъ. Дѣти мыслящія и дѣти облегчаемыя. „Обжорливая младость“. Вуйки. Тонжающіеся подростки. Поторопившіеся московскій капитанъ.

Елку и танцы въ клубъ художниковъ я, конечно, не стану подробно описывать; все это было уже давно и въ свое время описано, такъ что я самъ прочелъ съ большимъ удовольствіемъ въ другихъ фельетонахъ. Скажу лишь, что слишкомъ давно передъ тѣмъ нигдѣ не былъ, ни въ одномъ собраніи, и долго жилъ уединенно.

Сначала танцовали дѣти, всѣ въ прелестныхъ костюмахъ. Любопытно прослѣдить какъ самыя сложныя понятія прививаются къ ребенку совѣмъ незамѣтно и онъ, еще не умѣя связать двухъ мыслей, великолѣпно иногда понимаетъ самыя глубокія жизненныя вещи. Одинъ ученый нѣмецъ сказалъ, что всякій ребенокъ, достигая первыхъ трехъ лѣтъ своей жизни, уже приобретаетъ цѣлую треть тѣхъ идей и познаній, съ которыми ляжетъ старикомъ въ могилу. Тутъ были даже шестилѣтнія дѣти: но я навѣрно знаю, что они уже въ совершенствѣ понимали: почему и затѣмъ они пріѣхали сюда, разряженные въ такія дорогія платья, а дома ходятъ замарашками (при теперешнихъ средствахъ среднего общества — непремѣнно замарашками). Мало того,

они навѣрно уже понимаютъ, что такъ именно и надо, что это вовсе не уклоненіе, а нормальный законъ природы. Конечно, на словахъ не выразить: но внутренне знаютъ, а это однако же чрезвычайно сложная мысль.

Изъ дѣтей мнѣ больше понравились самые маленькіе; очень были милы и развязны. Постарше уже развязны съ нѣкоторою дерзостью. Разумѣется всѣхъ развязнѣе и веселѣе была будущая середина и бездарность, это уже общій законъ: середина всегда развязна, какъ въ дѣтяхъ, такъ и въ родителяхъ. Болѣе даровитые и обособленные изъ дѣтей всегда сдержаннѣе, или если ужъ веселы, то съ непремѣнной повадкой вести за собою другихъ и командовать. Жаль еще то же, что дѣтямъ теперь такъ все облегчаютъ,— не только всякое изученіе, всякое пріобрѣтеніе знаній, но даже игру и игрушки. Чуть только ребенокъ станетъ лепетать первыя слова и уже тотчасъ же начинаютъ его облегчать. Вся педагогика ушла теперь въ заботу объ облегченіи. Иногда облегченіе вовсе не есть развитіе, а, даже напротивъ, есть отупленіе. Двѣ-три мысли, два-три впечатлѣнія поглубже выжитыя въ дѣтствѣ, собственнымъ усиленіемъ (а если хотите, такъ и страданіемъ), проведутъ ребенка гораздо глубже въ жизнь, чѣмъ самая облегченная школа, изъ которой сплошь да рядомъ выходятъ ни то ни се, ни доброе ни злое, даже и въ развратѣ не развратное, и въ добродѣтели не добродѣтельное.

„Что устрицы, приплыи? О радость!
„Летитъ обжорливая младость
„Глотать.....

Вотъ эта-то „обжорливая младость“ (единственный дрянной стихъ у Пушкина потому, что высказанъ совсѣмъ

безъ ироніи, а почти съ похвалой)— вотъ эта-то обжорливая младость изъ чего нибудь да дѣлается же? Скверная младость и нежелательная, и я увѣренъ, что слишкомъ облегченное воспитаніе чрезвычайно способствуетъ ея выдѣлкѣ; а у насъ ужъ какъ этого добра много!

Дѣвочки все-таки понятнѣе мальчиковъ. Почему это дѣвочки, и почти вплоть до совершеннолѣтія (но не далѣе), всегда развитѣе или кажутся развитѣе однолѣтнихъ съ ними мальчиковъ? Дѣвочки особенно понятны въ танцахъ: такъ и прозрѣваешь въ иной будущую „Вуйку“, которая ни за что не съумѣетъ выйти замужъ, не смотря на все желаніе. Вуйками я называю тѣхъ дѣвицъ, которыя до тридцати почти лѣтъ отвѣчаютъ вамъ: вуй да нонъ. За то есть и такія, которыя, о сю пору видно, весьма скоро выйдутъ замужъ, тотчасъ какъ пожелаютъ.

Но еще циничнѣе, по моему, одѣвать на танцы чуть не взрослою дѣвочку все еще въ дѣтскій костюмъ; право нехорошо. Инныя изъ этихъ дѣвочекъ такъ и остались танцовать съ большими, въ коротенькихъ платьицахъ и съ открытыми ножками, когда въ полночь кончился дѣтскій балъ и пустились въ плясъ родители.

Но мнѣ все чрезвычайно нравилось и еслибы только не толкались подростки, то все обошлось бы къ полному удовольствію. Въ самомъ дѣлѣ, взрослые всѣ празднично и изящно вѣжливы, а подростки, (не дѣти, а подростки, будущіе молодые люди, въ разныхъ мундирчикахъ и которыхъ была тьма)—толкаются нестерпимо, не извиняясь и проходя мимо съ полнымъ правомъ. Меня толкнули разъ пятьдесятъ; можетъ быть ихъ такъ тому и учать для развитія въ нихъ развяз-

ности. Тѣмъ не менѣе, мнѣ все нравилось, съ долгой отвычки, не смотря даже на страшную духоту, на электрическія солнца и на неистовые командные крики балетнаго распорядителя танцевъ.

Я взялъ надняхъ одинъ номеръ „Петербургской Газеты“ и въ немъ прочелъ корреспонденцію изъ Москвы о скандалахъ на праздникахъ въ дворянскомъ собраніи, въ артистическомъ кружкѣ, въ театрѣ, въ маскарадѣ и проч. Если только вѣрить корреспонденту (ибо корреспондентъ, возвѣщая о порокахъ, могъ съ намѣреніемъ умолчать о добродѣтелях); то общество наше никогда еще не было ближе къ скандалу, какъ теперь. И странно: отчего это, еще съ самаго моего дѣтства, и во всю мою жизнь, чуть только я попадалъ въ большое праздничное собраніе русскихъ людей, тотчасъ всегда мнѣ начинало казаться, что это они только такъ, а вдругъ возьмутъ, встанутъ и сдѣлаютъ дебошъ, совсѣмъ какъ у себя дома. Мысль нелѣпая и фантастическая, — и какъ я стыдился и упрекалъ себя за эту мысль еще въ дѣтствѣ! Мысль невыдерживающая ни малѣйшей критики. О, конечно, купцы и капитаны, о которыхъ рассказываетъ правдивый корреспондентъ (я ему вполне вѣрю) и прежде были и всегда были, это типъ неумирающій; но все же они болѣе боялись и скрывали чувства, а теперь, нѣтъ — нѣтъ, и вдругъ прорвется, на самую середину, такой господинъ, который считаетъ себя совсѣмъ уже въ новомъ правѣ. И безспорно, что въ послѣднія двадцать лѣтъ, даже ужасно много русскихъ людей вдругъ вообразили себѣ почему то, что они получили полное право на безчестье и что это теперь уже хорошо, и что ихъ за это теперь уже похва-

лять, а не вывести. Съ другой стороны я понимаю и то, что чрезвычайно пріятно (о, многимъ, многимъ!) встать посреди собранія, гдѣ все кругомъ, дамы, кавалеры и даже начальство такъ сладки въ рѣчахъ, такъ учтивы и равны со всѣми, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ, — встать посреди этихъ европейцевъ, и вдругъ что нибудь гаркнуть на чистѣйшемъ національномъ нарѣчій, — свиснуть кому нибудь оплеуху, отмочить пакость дѣвушкѣ и вообще тутъ же среди залы нагадить: „Вотъ дескать вамъ за двухсотлѣтній европеизмъ, а мы вотъ они, всѣ какъ были, нигуда не исчезли“! Это пріятно. Но все же дикарь ошибется: его не признаютъ и выведутъ. Кто выведетъ? Полицейская сила? Нѣтъ-съ, совсѣмъ не полицейская сила, а вотъ именно, такіе же самые дикари какъ и этотъ дикарь! Вотъ она гдѣ сила. Объяснюсь.

Знаете ли кому, можетъ быть, всѣхъ пріятнѣе и драгоцѣннѣе этотъ европейскій и праздничный видъ, собирающагося по европейски русскаго общества? А вотъ именно Севозникамъ-Дмухановскимъ, Чичиковымъ и даже, можетъ быть, Держимордѣ, то есть, именно такимъ лицамъ, которыя у себя дома, въ частной жизни своей — въ высшей степени національны. О, у нихъ есть и свои собранія и танцы, тамъ, у себя дома, но они ихъ не цѣнятъ и не уважаютъ, а цѣнятъ балъ губернаторскій, балъ высшаго общества, объ которомъ слыхали отъ Хлестакова, а почему? А именно потому, что сами не похожи на хорошее общество. Вотъ почему ему и дороги европейскія формы, хотя онъ твердо знаетъ, что самъ, лично, онъ не раскается и вернется съ европейскаго бала домой все тѣмъ же самымъ кулачникомъ; но онъ утѣшенъ,

ибо хоть въ идеалѣ да почитилъ добродѣтель. О, онъ совершенно знаетъ, что все это миражъ; но все же онъ, побывавъ на балѣ, удостовѣрился, что этотъ миражъ продолжается, чѣмъ-то все еще держится, какою-то невидимою но чрезвычайною силою, и что вотъ онъ самъ даже не посмѣлъ выйти на средину и что нибудь гаркнуть на національномъ нарѣчїи, — и мысль о томъ, что ему этого не позволили, да и впредь не позволять, чрезвычайно ему прїятна. Вы не повѣрите до какой степени можетъ варваръ полюбить Европу; все же онъ тѣмъ какъ бы тоже участвуетъ въ культѣ. Безъ сомнѣнія, онъ часто и опредѣляетъ не въ силахъ въ чемъ состоитъ этотъ культъ. Хлестаковъ, напримѣръ, полагалъ, что этотъ культъ заключается въ томъ арбузѣ въ сто рублей, который подають на балахъ высшаго общества. Можетъ быть Сквозникъ-Дмухановскій такъ и остался до сихъ поръ въ той же самой увѣренности про арбузъ, хотя Хлестакова и раскусилъ, и презираетъ его, но онъ радъ хоть и въ арбузѣ почитать добродѣтель. И тутъ вовсе не лицемеріе, а самая полная искренность, мало того — потребность. Да и лицемеріе тутъ даже хорошо дѣйствуетъ, ибо что такое лицемеріе? Лицемеріе есть та самая дань, которую пороку обязанъ платить добродѣтели — мысль безжѣрно утѣшительная для человѣка, желающаго оставаться порочнымъ практически, а между тѣмъ не разрывать, хоть въ душѣ, съ добродѣтелью. О, пороку ужасно любить платить дань добродѣтели и это очень хорошо: пока вѣдь для насъ и того достаточно, не правда ли? А потому, и гаркнувшій среди залы въ Москвѣ капитанъ продолжаетъ быть лишь исключеніемъ и поторопившимся человѣкомъ, ну, по крайней мѣрѣ, пока;

но вѣдь и „пока“ даже утѣшительно въ наше зыбучее время.

Такимъ образомъ балъ есть рѣшительно консервативная вещь, въ лучшемъ смыслѣ слова и я совсѣмъ не шучу говоря это.

IV.

Золотой вѣкъ въ карманѣ.

А впрочемъ мнѣ было и скучно, то есть не скучно, а немного досадно. Кончился дѣтскій балъ и начался балъ отцовъ, и Боже, какая однако бездарность! Всѣ въ новыхъ костюмахъ и никто не умѣетъ носить костюмъ; всѣ веселятся и никто не веселъ; всѣ самолюбивы и никто не умѣетъ себя показать; всѣ завистливы и всѣ молчатъ и сторонятся. Даже танцовать не умѣютъ. Взгляните на этого вертящагося офицера очень маленькаго роста (такого, очень маленькаго ростомъ и звѣрски вертящагося офицера, вы встрѣтите непрѣжно на всѣхъ балахъ средняго общества). Весь танецъ его, весь прїемъ его состоитъ лишь въ томъ, что онъ съ какими-то почти звѣрствомъ, какими-то саккадами, вертитъ свою даму и въ состояніи перевертѣть тридцать — сорокъ дамъ сряду и гордится этимъ; но какая же тутъ красота! Танецъ — это вѣдь почти объясненіе въ любви (вспомните менуэтъ), а онъ точно дерется. И пришла мнѣ въ голову одна фантастическая и до-нельзя дикая мысль: „Ну что, подумалъ я, еслибъ всѣ эти милые и почтенные гости захотѣли, хоть на мигъ одинъ, стать искренними и простодушными, — во что бы обратилась тогда вдругъ эта душная зала? Ну что, еслибъ каждый изъ нихъ вдругъ узналъ весь секретъ? Что еслибъ каждый изъ нихъ вдругъ узналъ

сколько заключено въ немъ прямодушія, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушныхъ чувствъ, добрыхъ желаній, ума, — куда ума! — остроумія самаго тонкаго, самаго сообщительнаго и это въ каждомъ, рѣшительно въ каждомъ изъ нихъ! Да, господа, въ каждомъ изъ васъ все это есть и заключено и никто-то, никто-то изъ васъ про это ничего не знаетъ! О, милые гости, клянусь, что каждый и каждая изъ васъ умнѣ Вольтера, чувствительнѣ Руссо, несравненно обольстительнѣ Алкивиада, Донъ-Жуана, Лукрецій, Джульетъ и Беатричей! Вы не вѣрите, что вы такъ прекрасны? А я объявляю вамъ честнымъ словомъ, что не у Шекспира, ни у Шиллера, ни у Гомера, еслибъ и всѣхъ-то ихъ сложить вмѣстѣ, не найдется ничего столь прелестнаго, какъ сейчасъ, сію минуту, могло бы найтись между вами, въ этой же бальной залѣ. Да что Шекспиръ! тутъ явилось бы такое, что и не снилось нашимъ мудрецамъ. Но бѣда ваша въ томъ, что вы сами не знаете, какъ вы прекрасны! Знаете-ли, что даже каждый изъ васъ, еслибъ только захотѣлъ, то

сейчасъ бы могъ осчастливить всѣхъ въ этой залѣ и всѣхъ увлечь за собой? И эта мощъ есть въ каждомъ изъ васъ, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невѣроятною. И неужели, неужели золотой вѣкъ существуетъ лишь на однѣхъ фарфоровыхъ чашкахъ?

Не хмурьтесь, ваше превосходительство, при словѣ *золотой вѣкъ*: честное слово даю, что васъ не заставятъ ходить въ костюмѣ золотого вѣка, съ листкомъ стыдливости, а оставить вамъ весь вашъ генеральскій костюмъ вполнѣ. Увѣряю васъ, что въ золотой вѣкъ могутъ попасть люди даже въ генеральскихъ чинахъ. Да попробуйте только, ваше превосходительство, хотя бы сейчасъ, — вы же старшій по чину, вамъ инициатива, — и вотъ увидите сами, какое пионовское, такъ сказать, остроуміе могли бы вы вдругъ проявить, совѣмъ для васъ неожиданно. Вы смѣтаете, вамъ невѣроятно? Радъ, что васъ разсмѣшил и однако же все, что я сейчасъ навосклицалъ, не парадоксъ, а совершенная правда... А бѣда ваша вся въ томъ, что вамъ это невѣроятно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Мальчикъ съ ручкой.

Дѣти странный народъ, они сняты и мерещатся. Передъ елкой и въ самую елку передъ Рождествомъ, я все встрѣчалъ на улицѣ, на извѣстномъ углу, одного мальчишку, никакъ не

болѣе какъ лѣтъ семи. Въ страшный морозъ онъ былъ одѣтъ почти по лѣтнему, но шея у него была обвязана какимъ-то старьемъ, — значитъ его все же кто-то снаряжалъ, посылая. Онъ ходилъ „съ ручкой“; это техническій терминъ, значитъ просить милостыню. Терминъ выдумали сами эти мальчишки. Такихъ, какъ онъ, множество, они вер-

тятся на вашей дорогѣ и завываютъ что-то заученное; но этотъ не завывалъ и говорилъ какъ-то невинно и непривычно и доверчиво смотрѣлъ мнѣ въ глаза, — стало быть лишь начиналъ профессію. На разспросы мои онъ сообщилъ, что у него сестра, сидитъ безъ работы, больная; можетъ и правда, но только я узналъ потомъ, что этихъ мальчишекъ тьма тьмушая: ихъ высылаютъ съ „ручкой“ хотя бы въ самый страшный морозъ, и если ничего не наберутъ, то навѣрно ихъ ждутъ побои. Набравъ копѣекъ, мальчикъ возвращается, съ красными, оковечѣвшими руками, въ какой нибудь подвалъ, гдѣ пьянствуетъ какая нибудь шайка халатниковъ, изъ тѣхъ самыхъ, которые, „забастовавъ на фабрикѣ подъ воскресенье въ субботу, возвращаются вновь на работу не ранѣе, какъ съ среду вечеромъ“. Тамъ въ подвалахъ, пьянствуютъ съ ними ихъ голодные и битые жены, тутъ же пицятъ голодные грудныя ихъ дѣти. Водка и грязь и развратъ, а главное водка. Съ набранными копѣйками мальчишку тотчасъ же посылаютъ въ кабакъ и онъ приноситъ еще вина. Въ забаву ему иногда нальютъ въ ротъ кошушку и хохочутъ, когда онъ, съ пресѣкшимся дыханіемъ, упадетъ чуть не безъ памяти на полъ,

...и въ ротъ мнѣ водку скверную
Безжалостно вливалъ“...

Когда онъ подростетъ, его поскорѣе сбываютъ куда-нибудь на фабрику, но все, что онъ заработаетъ, онъ опять обязанъ приносить къ халатникамъ, а тѣ опять пропиваютъ. Но ужъ и до фабрики эти дѣти становятся совершенными преступниками. Они бродяжатъ по городу и знаютъ такія мѣста разныхъ подвалахъ, въ кото-

рыхъ можно пролѣзть и гдѣ можно переночевать незамѣтно. Одинъ изъ нихъ ночевалъ нѣсколько ночей сряду у одного дворника въ какой-то корзинѣ и тотъ его такъ и не замѣчалъ. Само собою, становятся ворishками. Воровство обращается въ страсть даже у восьмилѣтнихъ дѣтей, иногда даже безъ всякаго сознанія о преступности дѣйствія. Подъ конецъ переносятъ все — голодъ, холодъ, побои, — только за одно, за свободу, и убѣгаютъ отъ своихъ халатниковъ бродяжить уже отъ себя. Это дикое существо не понимаетъ иногда ничего, ни гдѣ онъ живетъ, ни какой онъ націи, есть-ли Богъ, есть-ли Государь; даже такія передаютъ объ нихъ вещи, что невѣроятно слышать, и однакоже все факты.

II.

Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Но я романистъ и, кажется, одну „исторію“ самъ сочинилъ. Почему я пишу: „кажется“, вѣдь я самъ знаю навѣрно, что сочинилъ, но мнѣ все мерещится, что это гдѣ-то и когда-то случилось, именно, это случилось какъ разъ наканунѣ Рождества, въ какомъ-то огромномъ городѣ и въ ужасный морозъ.

Мерещится мнѣ, былъ въ подвалѣ мальчикъ, но еще очень маленькій, лѣтъ шести или даже менѣе. Этотъ мальчикъ проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изъ рта и забавлялся, смотря какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра

подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? Должно быть пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужаго города и вдругъ захворала. Хозяину угловъ захватили еще два дня тому въ полицію; жильцы разбрелись, дѣло праздничное, а оставшіяся одинъ халатникъ уже цѣлыя сутки лежалъ мертво-пьяный, не дождавшись и праздника. Въ другомъ углу комнаты стонала отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Наняться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь холодно“, подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъдохнулъ на свои пальчики, чтобъ отогрѣть ихъ, и вдругъ, напаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, опущю, пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было и онъ вдругъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, по ночамъ, такой черный мракъ, одинъ фонарь

на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется — никого, всѣ затворяются по домамъ и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ, воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было за то такъ тепло и ему давали кушать, а здѣсь — Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стужъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнившихъ лошадей, изъ жарко-дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый свѣтъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какойнибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ. Мимо прошелъ блюститель порядка и отвернулся, чтобъ не замѣтить мальчика.

Вотъ и опять улица, — охъ какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавать навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ тутъ же куколки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцевать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыкантъ, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красныя, ужъ не сгибаются и больно пошевеливать. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше, и вотъ опять видитъ онъ сквозь

другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги, всякіе — миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатныя барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входитъ въ нѣмъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе и сунула ему въ руку копѣчку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копѣчка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и поддержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй — поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжитъ, бѣжитъ и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что-жъ это опять такое? Стоять люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленныя платья и совсѣмъ — совсѣмъ какъ живныя! Какой-то старичокъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головками, и другъ на друга смотреть, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ, — только вотъ изъ за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живныя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки — вдругъ разсѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно — смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой злой маль-

чикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузь, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ на земь, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать — бѣжать, и вдругъ забѣжалъ самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами: „тутъ не сыщутъ, да и темно“.

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало такъ ему хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть: „Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куколокъ“, подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: „совсѣмъ какъ живныя“!... И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. „Мама, я сплю, ахъ какъ тутъ спать хорошо“!

— Пойдемъ ко мнѣ на елку мальчикъ, — прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ не она; кто же это его позвалъ, онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ; а онъ протянулъ ему руку и... и вдругъ, — о какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ и кругомъ все куколки, — но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотреть его мама и смѣется на него радостно.